

Павел Чумаков-Гончаренко

Судьба

Рок или свобода?

16+

Павел Николаевич Чумаков-Гончаренко

Судьба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54949383

SelfPub; 2020

Аннотация

Это рассказ о перипетиях судьбы; размышление о жизни и свободе человеческой воли.

Опер и Батон

Было у нас в деревне два кобелька по-своему необычных и неординарных, звали их Опер и Батон. Ныне покойный дядь Коля, Царство ему Небесное, имел даже некую страсть давать всякой твари необычные и забавные имена, и кого у нас только не было: тут тебе и Шурупы, и Тяпы, и Бориски, и Капканы, и даже Депутаты и Дипломаты. Каждое животное, как и каждый человек, имеет свой характер: способности, достоинства и недостатки, – в общем, некое подобие личности. Вот и два брата Опер и Батон, были внешне, если не приглядываться, даже очень схожи: низкорослые, черные, с белыми пятнами на груди – дворовые псы. Но похожи они были, только если вы с ними были незнакомы; а на самом деле это были две абсолютно разные собачьи личности. Опер имел вид серьезный и деловой: уши у него всегда стояли торчком, а взгляд был немного грустный, осмысленный и глубокий. А Батон был полной его противоположностью: его уши полулежали и полустояли в разные стороны, взгляд был безумный и неудержимый, – бегающий и блуждающий, – пасть вечно открыта, а из нее постоянно вываливался и торчал, свисая набок длинный розовый язык. Опер страсть как любил путешествовать и куда бы мы ни пошли, он всюду следовал за нами: и на рыбалку, и за грибами, и на гулянку, т.д. и т.п. А Батон наоборот, ни за какие кости и пироги, никогда и ни за что не отходил от хаты и не от-

лучался со двора; но зато во дворе он был абсолютно неугомонный и, пока бывало на него, не прикрикнешь, он завидя тебя все норовил кинуться тебе в ноги и буквально выбить из-под ног землю, – при этом весь, изворачиваясь и виляя не только хвостом, но и всем своим телом. Лично мне Опер всегда напоминал этакого грустного, задумчивого и культурного городского интеллигента, а Батон наоборот деревенского чудаковатого простака. По-своему окрасу и размеру они были так схожи, что посторонний человек, наверное, вряд ли когда отличил одного от другого. Но только не для нас, и мы за версту безошибочно могли отличить их, по манере двигаться и держаться: у Опера осанка была гордая с высоко поднятою головой, а Батон наоборот постоянно горбился и прижимался к земле. Они даже бегали по-разному: стремительный, целеустремленный и сдержанный Опер, и вечно веселый кувыркающийся и подпрыгивающий Батон. У нас даже шутка такая родилась:

– От чего это Опер всегда такой грустный?

– А это от того, что у него брат дурак!

– А Батон почему такой веселый?

– А это он радуется, что у него брат, хоть такой, но есть!

Так они и жили у нас во дворе, не тужили, вполне вольготной, по собачьим меркам жизнью: дом стерегли, привязи не знали, на чужих гавкали, но никого, никогда не кусали – добрые были, незлобивые. В общем, служили хозяевам, как умели и могли. Спали они на крыльце, часто вместе с котами в обнимку; которым иногда, хотя и показывали кто в доме хозяин, но в основном сильно их не обижали и обращались с ними почти дружественно, с легкой ноткой собачьего превосходства. Да мы-то за своих котов и заступались, иногда и ругали Опера с Батоном, если те, разыгравшись, начинали гонять их. Поэтому, чужим котам они спуску не давали, а своих миловали, но собачье все равно иной раз брало верх и, тогда оглядевшись вокруг и увидев, что на них никто не смотрит, они могли ненароком двинуть грудью и своего кота Тимоху. Или потоптаться по нему, пока он горемыка нежится на бетоне под палящим солнцем, или на худой конец просто вытереть об него лапы. Оно конечно тоже неприятно, но все же это не зубами за шкуру?! Впрочем, не зря же родилась в народе поговорка характеризующая совместную жизнь некоторых людей – «как кошка с собакой»?! Но речь сейчас совсем о другом, речь о судьбе и ее парадоксах.

Помню, оказались мы как-то на гулянке в соседней деревне, расстояние до нее небольшое, метров пятьсот, через линию, да через луг с речкой. Добирались мы туда пешком, и Опер как всегда увязался за нами. Чего уж там греха таить,

молодые были, я недавно с армии вернулся, и перебрали тогда все с излишком самогонки. В самый разгар гулянки, кому-то пришлось в голову продолжить это дело в городе и, вызвав такси, мы всей шумной и веселой компанией погрузившись в машину, отправились продолжать свои свистопляски в город. В часа три ночи я вновь кое-как добрался до деревни – Батон на месте, а Опера нигде нет. Я посвистел, покричал, но никто не отозвался, лишь Батон как обычно по своей привычке все норовил сбить меня с ног, падая и катаясь около меня. И тут я начал соображать и припоминать, что он с нами был и видимо когда мы в машину погрузились, там и остался. Что делать, жалко же животину?! Вот я и поплелся за ним, опять туда, в соседнюю деревню. Кажется, пока шел впотьмах все кочки на дороге и на лугу пересчитал. Кладка, то есть самодельный мост через речку, состоящий из сваренных между собой труб и арматуры и положенных на эту конструкцию шпал и досок, был ветхий и старый, местами прогнивший и обвалившийся, – хорошо хоть речка узкая и неглубокая, – в темноте я еле через этот мост перебрался. Иду, а сам переживаю, как бы с Опером чего-нибудь плохого не приключилось, жалко ведь, он почти как член семьи у нас стал. Подхожу ко двору, где днем мы гуляли: ворота закрыты, свет не горит, все спят. Собаки во дворах лают, чувствуют кто-то чужой по улице шастает. Я пару раз свистнул и позвал Опера по имени. Гляжу тень какая-то, из-под ворот выскочила, я сразу узнал своего Опера и обрадовался ему. А

как он обрадовался?! Присел я на корточки и руки вперед призывно вытянул:

– Иди ко мне мой хороший! Иди ко мне мой маленький! – позвал я его и он словно ребенок, так и запрыгнул ко мне на руки – соскучился!

Он вообще-то не любил когда пытались взять его на руки и постоянно огрызался, а здесь сам запрыгнул ко мне, затих, прижался ко мне и всю дорогу пока я его нес до дома, молчал и не шевелился. А я все его жалел, и прощение у него просил, что пьяный дурак его у чужих людей бросил и одного оставил. Принес я его домой, во двор и отпустил, а здесь его уже и Батон встречает, прыгает, вертится вокруг брата, никак не нарадуется. А Опер видно уже окончательно в себя пришел, и порывивать на него стал, мол, чего дурак разошелся, дай пройти. А Батон все не унимается, в ноги ему бросается и в глаза заглядывает, мол, здравствуй братец, ты вернулся, а я уж и разволновался, куда это ты запропастился?! Помню, я от всей этой картины, хмельной даже слезу пустил, расчувствовался.

Жили они у нас лет пять после этого, а потом... А потом однажды мой двоюродный брат Денис пошел на рыбалку, глянул, странное дело, – вместе с ним и с Опером увязался и наш домосед Батон. А путь их пролегал как раз ми-

мо той деревни, где мы когда-то Опера забыли или вернее сказать бросили, но чтобы туда попасть, нужно вначале пересечь железную дорогу. В тот самый момент, когда Денис подходил к железнодорожному полотну он увидел показавшийся из-за поворота локомотив, но поезд был еще достаточно далеко и Денис не спеша перешел на другую сторону и кобели наши за ним рванули. А поезд в это время подъезжал все ближе и ближе, Опер прошмыгнул, как обычно, а Батон что-то замешкался, остановился прямо посреди дороги, на путях и давай их обнюхивать, словно место себе выбирает... Денис кричал-кричал, а Батон будто оглох и ничего не слышит и не видит, так поезд его тогда и задавил. Мне как потом рассказали, я все никак не мог поверить, и все дивился, как так, никогда и никуда из двора Батон не отлучался, а здесь решил прогуляться и так нелепо погиб!.. А может он за тем и побежал, что уж время его пришло, вот он и пошел помирать?.. В деревне все так и решили – судьба!

А потом я уж и не припомню сколько после того случая прошло времени, но однажды зимой мы вновь приехали в деревню. Помню ночью, собаки люто грызлись прямо недалеко от нашей хаты. А на утро я в окно выглянул, а там посреди двора на снегу Опер лежит, и снег вокруг него кровью обогрен. Он к утру уже околел, а на его шеи зияла небольшая рана, словно кто-то кусочек от нее оторвал. Кровавый след шел за ворота и начинался недалеко от нашего забора.

Опер заступался за наших котов, по которым сам частенько топтался, отгоняя от них то соседских барсиков, то бродячих псов. Может и этот раз вступился, да неудачно?.. А может на лису, какую налетел, кобелек то небольшой был?.. В общем, его брат Батон вечно веселый и никогда не отлучавшийся со двора, однажды решившись покинуть свою крепость погиб, а Опер вечно путешествующий нашел свою смерть возле собственной хаты. И опять все решили – судьба!

Баба Маришка

Моя прабабушка Марина, как ее все звали на деревне Маришка, прожила долгую и тяжелую жизнь: и на барина в детстве батрачила, и революцию с гражданской, и две большие войны пережила; когда замуж за прадеда Ивана вышла, после их раскулачивания с голоду пухла. Родственник в Сельсовете работал и потому их чудом в Сибирь не сослали. Когда голод у нас был, за деревней женщину с Украины на дороге с ребенком, мертвых нашли. У нее вся грудь синяя была и искусана в кровь, видно до деревни немного не дотянула, упала без сил и померла, а ребенок еще жив был и все грудь грыз, молока матерного хотел, пока и сам ни помер. Вот до чего доводят социальные утопии и эксперименты!

Так вот баба Маришка, которую я не застал, она за два года до моего рождения преставилась и как говорят никого и

никогда не боялась. А всегда говорила: кому суждено в огне сгореть, тот в воде не утонет и как пример приводила один случай происшедший во времена ее детства.

Жила у них на краю села семья, огород их спускался к лугу и там был колодезь, как у нас на Слобожанщине говорят криница. Родился в этой семье мальчик, родители души в нем не чаяли. Сейчас я уж и не припомню, то ли у них своя в деревне ведьма была, то ли цыгане на лугу табор разбивали, в общем, кто-то им напороочил и нагадал, что мальчонка их утонет на свое день рождение, когда ему исполнится лет пять или семь. Перепугались отец с матерью тогда, да и завалили колодезь то ли камнями, то ли плитой какой-то. Пролетело время, пришел назначенный час, помнили они об этом предсказании или нет, я не знаю, но пошел отец мальчика на луг по каким-то делам, проходил мимо колодца, глядь, а на плите закрывающей колодезь, его сын лежит и не двигается. Он позвал его, окрикнул, но мальчик не отозвался. Подошел он к нему, потрогал, а он уж и не дышит – помер. Судьба-а! решили в деревне. Отчего он умер так конечно никто и никогда не узнал. Вскрытия тогда не делали, да и ближайший город от нашей деревне в то время находился километрах в тридцати, – умер человек, да и умер – значит, время пришло, и говорить об этом нечего.

Эту историю бабушка Маришка часто использовала, как

пример и иллюстрацию к той самой поговорке – кому в огне сгореть, тот в воде не утонет. Мать мне еще рассказывала, что в детстве, когда они боялись молнии и прятались за- слышав рядом шум грозы, баба Маришка никогда от нее не пряталась, хотя на ее глазах и в опасной близости от нее самой, молния несколько раз убивала то скотину, то живность всякую, но Бог ее хранил и на ней ни царапины, ни разу не осталось. И вот она постоянно учила их, своих внуков, что не стоит ничего бояться, потому как если судьба, то и за семью заборами не спрячешься и не упасешься, а если нет, то и в упор стрелять будут, а не застрелят.

В заключение

Кстати, к слову сказать, вспомнил бабу Маришку, и вот что пришло на ум. Одно время очень модно было ругать застойные времена и вообще брежневскую эпоху в целом, да еще и проводить параллель с нынешним временем и эпохой Путина. Так вот что характерно, говорят прабабушка Маришка, глядя как Леониду Ильичу вешали на грудь очередную Звезду Героя, бывало посмеиваясь, говаривала:

– А нехай с ним! Если ему нравится, то пущай и вешают! Но так хорошо как при нем мы никогда не жили!

И вот что мне справедливости ради хотелось, поэтому поведу сказать. Мой дед Николай Акимович, которому исполнилось восемьдесят восемь лет, и родился он в уже далеком тысяча девятьсот тридцать втором году, дай Бог ему здоровья, примерно то же самое говорит и про нынешнее время:

– Так хорошо, как сейчас, при Путине, мы никогда не жили, да и Брежневу далеко до нашего времени. А сколько сейчас возможностей!.. – восклицает он. – Абы голова была, да руки целы и горы тогда ворочать можно! – и сокрушенно добавляет: – Как бы я сейчас развернулся, если был бы молодым!

Это конечно все спорно и возможно здесь есть и доля того, что называется – хорошо там, где нас нет. Но думается мне, что этот взгляд деда все же заслуживает внимания и дает повод задуматься многим из нас постоянно недовольным своей жизнью и задать себе откровенный вопрос:

– Если у меня все так плохо и неказисто, то может дело и не в жизни, власти, времени и эпохе?.. Может все дело только во мне?!

Впрочем, это уже совсем другая история. А начинал я все с ее величества судьбы, так вот не верю я в нее – в судьбу: верю я в Бога и в свободную человеческую волю! Хотя конечно

и в идеи о судьбе и предопределенности некоторых вещей, тоже что-то есть, но только некоторых... А в основной своей массе все эти предсказания, если и сбываются, то по одной простой причине: услышит человек то или иное предсказание о своей жизни, и если он мнительный, то начинает постоянно услышанное в голове ворочать, да свою жизнь под это подстраивать и подгонять; и тогда неудивительно, что все, что он слышал, начинает сбываться полностью или частично, потому что он, поверив в это, сам исполняет кем-то ему предсказанное. И тогда такой человек действительно становится орудием судьбы, рока, предопределения. Только вот вопрос – а его ли это вообще судьба или он «чужую» на плечи себе взвалил?..

В сущности, вся эта вера в слепую судьбу и неизменную предопределенность, это все язычество и языческий взгляд на жизнь, лишаящий человека творчества, Богом данной свободы, и по сути, все того же христианского богоподобия. Человек часто сам выбирает рабство и снимая с себя ответственность начинает жить ни полноценной и творческой жизнью, а играть возложенную на него кем-то роль, чаще всего возложенную прежде всего самим собой. Как бы там не было, но и по сей день мы, люди, легко отказываемся от собственной свободы и становимся рабами слепой судьбы, которую сами себе и выбрали.

А все же я частенько вспоминаю, Опера и Батона, их собачью гибель и судьбу, а также ту самую поговорку – кому в огне сгореть, тот в воде не утонет...